

утих, ей казалось, что она видит его, слышит, будто он говорит ей, чтобы она не тиранила себя, и тогда, забывая все и занятая единственно им, она пыталась удержать рыдания. «*Не стану, не стану, мой друг, ты не велишь*», — повторяла она неоднократно, ища в себе силы ему повиноваться. То она казалась полностью сосредоточенной, закрывала глаза, произносила прерывистые слова, словно она, беседуя с ним, все время обещала ему успокоиться. Я повторила свою просьбу подняться, прежде чем тело перенесут в столовую. По-видимому, она поняла меня и вышла из кабинета. Вернувшись к дяде, я попросила священника остаться у нас, чтобы отслужить панихиду вечером и на другой день в удобный час. Этот добрый старик горько оплакивая с нами смерть того, кто был нам так дорог, вынужден был тем не менее мне отказать. «Император в *Грузию*, — сказал он, — завтра в семь часов утра он поедет мимо моей церкви, может быть пожалует туда, и это обязывает меня быть там». Я вспомнила тогда разговор моего дяди с этим священником о точном прибытии Императора, о дате, о которой он спрашивал, ответ, который он получил, и, сравнивая наше состояние счастья и спокойствия с нашим нынешним отчаянием, принялась горько плакать. Тело было перенесено в зал. Совершенно недоставало того необходимого, что делало эту мрачную церемонию торжественной; я покрыла гроб простой кисеей, чтобы защитить его от мух, так как ни в одной из близлежащих церквей не нашли покрова. «А что, — спросил Тырков, если Государь, который будет всего лишь в пяти верстах отсюда, узнает о кончине *Гаврилы Романовича* и приедет сюда?»^{XXV} Как вы примете его?». Безразличная ко всему в своей глубокой скорби, я слушала, не слыша. Он повторил, что Император очень уважал моего дядю, чтобы не пожелать приехать проститься с ним. «Он не приедет, — сказала я ему, — я в этом уверена; впрочем, приедет или нет, все равно». Потом, подумав об этой бедности, так мало соответствующей положению и состоянию моего дяди, которая и заставила говорить молодого Тыркова, я от всего сердца пожелала, чтобы император проехал мимо. Это он и сделал; священник вернулся в восемь часов; Император, остановившись возле его церкви, вошел туда, чтобы приложиться к кресту, казалось совсем не зная о смерти моего дяди. Похоже было, что граф Аракчев, радуясь, что заполучил Императора к себе, не захотел смущать его удовольствия и не сообщил об этой новости, а возможно, и сам он не знал о ней. Господин Кожевников просил меня в письмах, которые я отправила в Петербург, перечислить все, необходимое для похорон. Какая просьба! Через пять минут после того, как он нас покинул, ошеломив этим несчастьем, я с трудом тем не менее в него верила. Я отказалась и предположила, что у них у всех должно быть больше рассудка, чем у меня в эту горькую минуту.